

Три года прошло с той поры, когда Энлайк встретил Ганбанзеля.

На песчаном берегу, по которому сновали чайки и ползали крабы, было десять мальчиков.

Все они были одеты в выдавшие виды военные формы. Ребята сидели на пляже в ряд, на одинаковом расстоянии друг от друга. Крайний слева был Энлайк.

Шум волн, доносившийся в этот безветренный день, приятно ласкал слух. Иногда умеренный фоновый шум лучше тишины обостряет сознание людей. Волны достигали коленей Энлайка и слегка намочили брюки.

Он закрыл глаза и слушал, стараясь успокоить дыхание. Он сосредоточился на потоке аксиом, проходящих сквозь него.

- Представьте себе.

Позади ребят стоял мужчина.

Он был мужчиной средних лет, одетый в военную форму, которая была немного лучше их. Нижняя половина его лица была скрыта вьющейся черной бородой, а верхнюю покрывали необычные черные волосы. Глядя на его лицо, можно было видеть лишь малую часть его глаз и носа. Имя мужчины было Борамот Мафе. Он был тканевым контроллером, который когда-то стоял рядом с Ганбанзелем.

В сочетании с его массивным телосложением, он издали выглядел как одетый медведь.

"Магия начинается с твоего умственного образа. Нужно уничтожить порядок мира внутри себя, а одновременно уничтожить свой порядок внутри мира. С помощью силы воображения ты можешь придать форму хаосу внутри своего сознания".

Слушая слова Борамота, Энлайк улучшил свою концентрацию.

Группа Энлайка сейчас изучала магию. Это чтобы они могли превращаться в монстров, как и сказал Ганбанзель.

Что такое Магия? Для начала, чтобы объяснить, Борамот сначала дал им стакан с морской водой. Это было вскоре после того, как Энлайк прибыл на остров. Когда он приплыл, там уже были десятки мальчиков. Он был последним.

"Если я наклоню этот стакан, что произойдет с водой внутри?"

"Она прольется", - сказал кто-то из группы Энлайка.

"Почему?"

"...Потому что это так?"

"Объясни подробнее, пожалуйста".

Мальчик запнулся, и тогда Борамот продолжил рассказ.

"Это потому, что в этом мире все именно так. Когда наклоняешь стакан, вода выливается. Когда отпускаешь его, он падает. Птицы летают в небе, рыбы плавают в море, солнце встает каждое утро и заходит каждый вечер.

В давние времена Смотритель Начала и Конца установил, что созданный им мир должен быть именно таким, каков он есть. В этом мире все функционирует согласно тем принципам. Или вернее сказать, то, что создано Творцом, и есть этот мир.

Люди также сотворены Творцом, поэтому они, несомненно, тоже живут согласно этим принципам.

Следовательно, какими бы сильными ни были люди, они не в состоянии поднять валун весом в тонну, а какими бы хорошими пловцами они ни были, они не могут плавать быстрее рыбы. Они не могут испускать свет из ладоней или дышать огнем. Это естественно. Творец создал людей именно такими.

В своей основе люди лишь слегка разумны и не обладают никакими особыми способностями. Однако это еще не все, что можно сказать о них».

Борамот говорил, протягивая стакан воды группе Энлайка.

«Творец создал людей единственными в этом мире, кто может бросить вызов установленным им принципам.

Право бросать вызов Творцу;

Отступление от аксиом, организующих мир;

Это то, что люди называют Магией. Наклони это стекло, и вода внутри прольется... но такой тип правила также можно отменить. Вот так-"

Сказав это, Борамот пробормотал что-то себе под нос и перевернул стакан, который держал в руке. Вода внутри прилипла к стенкам стакана, как будто была льдом.

"На этом уровне это несложно. Любой может это сделать, если его немного потренировать. И само явление не представляет собой ничего особенного, потому что если я хочу не дать воде пролиться, я могу просто накрыть стакан".

Затем вода, которая была приклеена к стенкам стакана, пролилась на песок, словно внезапно потеряла опору.

"Магия, которая нужна вам, мелким соплякам — вот такого рода".

На этот раз одежда Борамота начала шумно шевелиться, словно ожила. Мальчики начали волноваться, но Энлайк не был удивлен. Он видел, как тот с помощью этого растерзал смотрителя на корабле.

"Такова моя способность. Магия, позволяющая мне свободно управлять одеждой, соприкасающейся с моей кожей. Даже если бы я захотел научить этому, этому нельзя научиться. Только я имею право использовать эту силу. "Борамот Мафе может по своему желанию управлять любой тканью, которую он касается, превосходя законы физики" — так я перевернул мировые принципы.

В настоящее время практически все первоклассные воины могут управлять этим видом магии. Этой магией могу пользоваться только я и никто другой.

Даже вы, сопляки, должны научиться этому. Сейчас это лучший метод для вас".

“ ... ”

“Между прочим, это чрезвычайная редкость, но есть люди, которым Бог дарует Право при рождении. Такие люди также рождаются с неестественным цветом волос.

Например, есть знаменитая Вечно Смеющаяся Ведьма с полосатыми волосами... но ладно, это вас, сопляков, не касается”.

Продолжил Борамот.

«Помните, что вы все здесь только для того, чтобы стать полезными для Ганбанзеля-сама. Вы были сохранены в живых только для его благородных целей. Вы не более чем это. Не забывайте об этом.

Я строг. Но я делаю это ради Ганбанзеля-сама, а не только для вас. Если вы сможете приобрести могущественную Магию, вы станете монстрами. Самое главное для вас — произвести нечто благородное и таким образом самим стать благородными.

Но до тех пор, пока этот день не наступит, вы все мусор. Я не позволю вам перечить мне. Это понятно?!»

Все, включая Энлайка, согласно закивали.

С того дня группа начала свои Магические Обсуждения.

Энлайк, сидя на песке, продолжал оттачивать свой фокус.

Он отключился, чтобы изолировать свое сознание от внешнего мира. Он соединил свое подсознание с Присутствующим Богом внутри и направил свое сознание в самые глубокие части.

В своем уме он начал повторять слова Магических Обсуждений, которые он изучил у Борамота.

‘Те, кто уйдут, не уйдут, а те, кто придут, не придут. Луна — это солнце. Птицы — это рыбы. Живые существа становятся трупами. Сталь становится слабой. Вся реальность становится снами, а иллюзии становятся всей реальностью. Существующие вещи перестают существовать, несуществующие вещи существуют, все определяется как ложное, и поэтому я подвергаюсь Магическому размышлению’.

Магическое размышление началось.

Энлайк пробился сквозь свое глубокое сознание, сдерживал свои намерения и начал переписывать аксиомы мира. Он начал подтачивать аксиомы, которыми управлял Присутствующий Бог, так же, как плотоядные насекомые пируют на своей добыче, а затем переписывал их в соответствии со своими собственными желаниями.

‘Энлайк Бишали управляет молниями’.

‘Энлайк Бишали управляет еще более сильными молниями’.

‘Энлайк Бишали управляет еще более сильными и точными молниями’.

Пока он мысленно произносил это, Энлайк изменил законы мира. Он представил, что его магия станет сильнее и точнее, и по мере того как он воображал это, он начал превращать это в реальность.

Он изменил аксиомы мира. Магическое размышление закончилось.

Энлайк открыл глаза и вытянул руку. Вместе с этим действие из его руки вырвалась синяя вспышка. Примерно в пяти метрах от него на песчаном пляже поднялось облако пыли, когда вспышка пронзила его.

"....."

Энлайк вздохнул с облегчением среди кружащегося песка. Силой, которую он использовал, была молния. Он мог свободно испускать ее из своего тела и контролировать ее.

Сделать это было непросто.

Все началось с того, что он представил, как стреляет молнией. Он материализовал этот образ и уточнил его. И он всем сердцем поверил в то, что породит эту молнию. На то, чтобы отбросить свои колебания и взять в руки аксиомы мира, ему потребовался год.

Году потребовалось, чтобы он научился свободно управлять молнией. Когда это не получалось, он снова и снова обжигал собственное тело. Такое использование как атака стало недавним достижением. С тех пор он бесконечно повторял Магический Размышления, чтобы улучшить свою точность и силу.

Мальчики вокруг него открыли глаза. Они удивленно посмотрели на Энлике и на следы его молнии.

«Так ты еще больше увеличил свою силу».

Сказал Борамот и дал кусок ткани Энлике. Тот вытер пот и песок с лица.

«Молния, да... Удивительная способность. Попытки овладеть ею — это ад, но как только ты научишься ею пользоваться, ты обрушишь этот ад на своих врагов».

Борамот посмотрел на тело Энлике. Не говоря уже о его пальцах и руках, ожоги также остались на всем его теле, скрытом под одеждой. Он бесчисленное количество раз подвергался смертельной опасности.

«Хорошо, что ты выжил».

Борамот похлопал Энлике по плечу.

"На сегодня хватит. Всем встать".

Энлаик и остальные встали. Уж близился закат.

Каждый день они проводили свое Собрание, укрепляя свое Волшебство. Только у Энлайка получилось завершить Собрание и усилить силу своего Волшебства.

"Успехи Энлайка замечательны. А вот вы, бездельники, только и умеете заставлять меня отводить взгляд. Нет у вас гордости?"

Все ребята, кроме Энлайка, опустили глаза.

"Не забывайте, что вы живы лишь благодаря Ганбанзелю-сама. Во имя своей жизни вы должны проявить смелость и обрести Волшебство. На сегодня все".

По завершении обучения Борамот один направился к домику, расположенному в лесу. За ним никто не пошёл. Борамот сказал, что статус тех, кто был Мясом, как Энлайк с остальными, и его как Лжеца, который служит Ганбанзелю, разный. Борамот жил в деревянной хижине, которую соорудили при первоначальном прибытии на остров. Обиталищу группы Энлайка были пещеры в скалах.

Внутри были только лампа и кровати, жилище походило на жилище времён Эры Рая.

К такому отношению Энлайк относился спокойно. Попастъ к такому продвижению было для него неожиданно, ведь прежде ему приходилось подбирать с земли хлебные крошки.

- Это на сегодня всё?

Кто-то из группы пробубнил.

- Осталось только поесть и поспать.

Кто-то ответил.

Группа Энлайка вернулась к пещере. На этой скале, которая была испещрена дырами, словно швейцарский сыр, находилось небольшое плато. В центре горел костер, в который одинокая девушка по одному подкидывала дрова.

Ей было около семнадцати лет. Это была миниатюрная девушка, которая едва доставала Энлайку до груди. С ее маленькой головки свисали две косички.

— Мы вернулись, Кумола.

Один из членов группы обратился к ней. Девушка обернулась и робко поприветствовала группу Энлайка.

— Хорошо потрудились, все.

Ее звали Кумола. Она была служанкой на этом острове еще до того, как там появился Энлайк.

Энлайк и остальные уселись вокруг костра кружком. Кумола проворно двигалась по центру. По одному она вручала членам группы обвернутые в промасленную бумагу свертки размером с книгу. Разнеся все свертки, она начала разливать им кипяток по железным кружкам.

— Пора бы нам что-нибудь разнообразить.

Голос человека прозвучал внутри круга. Поскольку каждый так думал, никто не ответил.

Едой группы был военный паек из бобов и муки, замешанных вместе. Жевательная резинка внутри их ртов вместе с недопеченной солоноватостью имела ужасный вкус. Если бы Кумола не дала им горячей воды, они не смогли бы ее съесть.

Наконец, она поставила кипяченую воду перед Энлайком. Затем она села на небольшом расстоянии за пределами круга.

Как по сигналу, один из людей в группе начал говорить.

Говорившим был высокий парень по имени Каяс. Он был юношей, чьи голос и выражения лица были самыми живыми среди них. Он стал естественным лидером группы. Каяс начал обычные приветствия в шутливом тоне.

«Что ж, хорошо поработали сегодня. Наша еда - дерьмо, но давайте съедим ее от души, ублюдки!»

Как будто в ответ на шутливые слова Каяса, все начали есть.

Во время еды все начали болтать друг с другом.

Темы для разговоров у них были скудные. Главной темой, конечно, были бои. Сегодня они говорили об одном из своих друзей, мальчике по имени Лонкенни.

"Я все еще думаю, что в твоих способностях есть дефект", — сказал Каяс.

"И я тоже", — присоединился к нему мальчик по имени Сасари.

"Мм, неужели?" — застенчиво ответил Лонкенни. Он был немного замкнутым мальчиком.

Магия, которой он пользовался, заключалась в управлении огнем. Он мог зажечь сильное пламя во рту и выстрелить им в форме огненного шара. Он обладал огромной силой, и одним ударом мог полностью сжечь большое дерево.

"Неважно, какая у тебя сила, если ты не можешь попасть. Ты должен стрелять быстрее", — сказал Каяс Лонкенни, поедая свой отвратительный военный паек.

"Верно. Еще есть дальность стрельбы. Ты должен заставить его лететь далеко", — добавил Сасари.

"...Да, я стараюсь изо всех сил".

"В любом случае, ты должен сам изменить свое мышление".

"Точно".

Пока Каяс и Сасари вели разговоры, остальные присоединились к ним, критикуя способности Лонкенни, как им заблагорассудится. Он смущенно опустил глаза, но слушал своих друзей.

Среди них только Энлайн ничего не сказал. Он молча жевал свой паёк.

"Что ты думаешь, Энлайк?"

Каяс небрежно перевёл разговор на Энлайка.

В этот момент непринуждённая атмосфера внезапно стала напряжённой. Взгляды, направленные на Энлайка, отличались от взглядов, которыми обменивалась группа товарищей. Напротив, в них читались страх, трепет и едва скрываемое намерение убивать.

"Я ничего не думаю".

Энлайк, встречая взгляды других в тишине, ответил именно так.

"Как необычно слышать, как говорит Энлайк".

Сасари пожал плечами. Он послал ему враждебный взгляд.

"Даже гениальный убийца ответит, если обратиться к нему".

"Прекрати, Сасари".

Каяс попытался сдержать Сасари, который провоцировал Энлайка.

"Заткнись, Каяс".

"Я говорю тебе прекратить".

На этот раз спор разгорелся между ними двумя. Энлайк держался в стороне. Он просто молчал и механически жевал.

Выделяясь на фоне десятка мальчишек, он был наименее разговорчивым и при этом самым сильным. Еще он любил убивать и сражаться больше всех – так оценивали Энлайка члены их группы. Эта оценка была далека от хвалебной. Они боялись его и сторонились.

Энлайк изо дня в день вел себя отстраненно, будто не чувствовал устремленных на него испуганных взглядов.

Праздные разговоры продолжались, и время обеда подходило к концу.

– Ну что ж, спасибо за еду.

Каяс первым закончил есть. У него в руках осталось немного объедков. Он высыпал их на ткань, лежащую возле костра.

– Тебе, Кумола.

Следом и остальные стали высыпать свои объедки на ткань.

– И мне.

– Спасибо за еду.

На ткани оказались небольшие остатки, ни один из которых не был больше одного укуса.

Когда все, кроме Энайли, закончили есть, Каяс зажал четыре угла ткани и поднял ее. Он отнес ее к Кумоле, которая сидела на краю круга.

— Вот, Кумола. Это твоя часть.

— Спасибо всем вам.

Она быстро склонила голову и взяла сверток. Затем, пока она потягивала остатки горячей воды из ковша, она начала есть остатки, которые все собрали для нее.

Энайли продолжал наблюдать за их действиями, думая, что они странные.

Он не мог вспомнить, когда все это началось.

В какой-то момент они начали отдавать свои остатки Кумоле вот так, и это стало привычкой.

Глядя на Кумолу, которая щипала еду и продолжала есть, Энайли проглотил свой последний кусок.

Даже после трапезы группа продолжала болтать вместе, пока костер не погас. Только Энайли молчал в кругу. Он не присоединялся к разговору и даже не слушал его; он просто молчал. Никто не обращал на него внимания.

Их темы для беседы были невероятно глупыми. Погода, море, друзья и Кумола.

Энлайк чувствовал себя крайне неудобно. Он не мог понять, как эти парни, болтающие перед ним, могли быть такими спокойными. К чему приведёт это соглашательство? Была ли какая-то ценность в этой фальшивой гармонии? В конце концов, все умрут, и они останутся одни.

Думая так, Энлайк смотрел на группу мрачными глазами.

Вскоре костёр погас, и они постепенно стали подниматься. Энлайк неохотно встал.

"Эй, Лонкенни. Подумай ещё раз завтра над своим Обсуждением".

Начал говорить Каяс.

"Я знаю, Каяс. Я усердно работаю".

Лонкенни застенчиво улыбнулся. Затем Энлайк подошёл к нему сзади.

"Лонкенни".

Лонкенни вздрогнул от внезапного голоса, обращённого к нему.

"...Энлайк".

Пробормотал он испуганным тоном.

"Сегодня ночью. Мы с тобой".

Энлайк сказал только это и тут же ушёл.

Лонкенни смотрел на него, и ноги его дрожали. Не обращая на него внимания, Элайк вошел в пещеру, которая была его спальней.

"Не может быть... после этого... но тогда..."

Он смутно слышал, как Лонкенни бормотал что-то подобное.

Это было в середине ночи, когда полная луна поднялась высоко в небе. Элайк и Лонкенни выскользнули из пещеры. Двое стояли на берегу и смотрели друг на друга. Расстояние между ними составляло около трех метров. Свет луны был ярким, поэтому они могли хорошо видеть лица друг друга.

"Борамот опаздывает".

Сказал Элайк. Лицо его было совершенно бесстрастным. Он спокойно смотрел прямо на Лонкенни, как будто вглядывался в глубокую тьму.

"...Элайк".

Лонкенни смотрел на песок налитыми кровью глазами. Глаза его были такими после того, как он плакал, пока не устал. В отличие от Элайка, он был совсем не спокоен.

"Что?"

"Ты не боишься?"

"Нет".

"...Я боюсь".

"Ясно".

Энлайк ответил, как будто вообще не отвечая. Потом он посмотрел в сторону хижины Борамота. Он подумал о том, чтобы пойти за ним, но тут же решил этого не делать.

"Я не хочу этого делать. Меня совершенно не интересует Хамьютс Месета".

"Ясно".

"Я хочу... Хочу остаться со всеми".

Энлайк ответил спокойно.

"Это невозможно".

"...Невозможно?"

"Да. Если ты не станешь чудовищем, то просто умрёшь".

Энлайк безразличным тоном изложил простой факт. Его манера речи была невероятно резкой.

Лонкенни резко поднял голову.

"Энлайк, тебе нравится убивать?"

Энлайк немного подумал перед тем, как ответить.

"Разве тебе не нравится?"

Лонкенни покачал головой.

"Совсем не нравится".

"Ясно".

Они снова замолчали.

"Что важнее, Борамот опаздывает", — подумал Энлайк. — "Может, нам стоит начать без него?"

Как раз в тот момент, когда ему это пришло в голову, Лонкенни вдруг подошёл ближе.

"Энлайк, возьми это, пожалуйста".

Лономи положил руку на нагрудный карман. Внутреннее увидел, что он вынимает, немного удивился. Это была ракушка. Блестящая алая ракушка, которую время от времени можно было найти на берегу.

- Мне она не нужна.

- Это не для тебя. Передай её Кумоле.

- Кумоле?

Недоумение Внутреннего только возросло.

- Пожалуйста. Это останется моим единственным сожалением.

Внутренний равнодушно взял ракушку.

- Интересно, мог ли я жить спокойнее, став убийцей, как ты.

Пробормотал Лономи. Раздался голос.

- Ты прибыл. Начнём прямо сейчас.

По берегу шёл Борамот.

- Мы приступим к боевой подготовке.

Время от времени при лунном свете, когда все спали, случались подобные схватки товарищей.

На бумаге это называлось боевой подготовкой. Но на деле это был отбор сильнейших. Те, у кого способности слабы или потенциал невысок, будут уничтожены, и тем самым дадут опыт тем, кто сильнее. Такой метод придумал Борамот.

- Начинаем.

Произнес Борамот, ухмыляясь. По телу Энлайка разбегались голубые искры. Во рту у Лонкенни загоралось красное пламя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/92625/3014545>